

Д.В. ДИДЕНКО

Работники интеллектуального труда как субъекты формирования и использования человеческого капитала

Рассмотрен теоретический контекст, в котором анализировались социально-экономические аспекты интеллектуального производства и его субъектов в научной литературе последних десятилетий. Систематизированы соответствующие понятия и концепции, характеризующие работников интеллектуального труда. Актуализированы их важнейшие характеристики как субъектов интеллектуального производства в контексте исторических изменений социально-экономических функций интеллектуального труда в ходе развития индустриального общества и перехода к постиндустриальному (информационному) обществу.

Ключевые слова: работники интеллектуального труда, интеллектуальное производство, интеллектуалоемкая экономика, человеческий капитал, постиндустриальное общество.

В научной литературе последних десятилетий значительно возросло внимание к социально-экономическим проблемам интеллектуалоемкой экономики, интеллектуального производства и его субъектов. Преобладающим теоретическим контекстом стали теории человеческого капитала и постиндустриального общества. Сущностной характеристикой постиндустриального общества в научной литературе рассматривается опережающее развитие отраслей нематериального (прежде всего, интеллектуального) производства и их выход на такой уровень развития, при котором кодифицированная информация и знания приобретают системообразующее значение для функционирования глобализирующейся экономики.

Соотношение понятий “интеллектуальное производство” и “интеллектуалоемкая экономика” может быть определено следующим образом. Понятие “интеллектуальное производство”¹ относится к тем отраслям экономики, продукцией которых являются знания, информация, то есть нематериальный интеллектуальный товар или услуга, произведенные с использованием умственного труда высокой квалификации. В то же время человеческий капитал функционирует и в отраслях материального производства, также влияя на их количественные и качественные экономические показатели. В этой связи понятие “интеллектуалоемкая экономика” покрывает практически все отрасли формирования и использования человеческого капитала как экономического ресурса. Оно может использоваться в отношении хронологически отдаленных периодов и относиться к отдельному сегменту исторически определенной экономической системы.

¹ Данный термин в отечественную экономическую литературу был широко введен в [Гойло 1994].

Авторы различных теорий постиндустриализма, к настоящему времени сформировавших широкую исследовательскую парадигму, одно из направлений которой – концепция информационного общества, пытаются на макроуровне определить, какие социально-экономические факторы порождают рост спроса на интеллектуальный труд в современном обществе. Из теорий человеческого капитала и концепции информационного общества следует, что в условиях “информационной революции” факторы производства, ранее монополизированные господствующими классами, становятся доступными каждому работнику, способному обеспечить им адекватное применение. Разумеется, фактическое распределение потенциально неограниченных интеллектуальных ресурсов между работниками ограничено как их фактическими возможностями доступа к указанным ресурсам, так и способностями к усвоению и переработке таких ресурсов. Соответственно, субъекты интеллектуального производства по-прежнему концентрируются в определенных социальных кластерах.

Каковы определения и характеристики социальной группы, в наибольшей степени соответствующей критериям субъекта интеллектуального производства? В советской (и частично в постсоветской) научной литературе она определялась как “интеллигенция”, которая включала лиц, профессионально занимающихся умственным трудом высокой квалификации.

Традиционный подход исходил из посылки, что новая стоимость создается исключительно в отраслях экономики, производящих материально осязаемый продукт. Это убеждение было довольно характерно для экономической мысли индустриального общества. Обращаясь к марксизму каноническая советская экономическая теория отказывала интеллектуальному труду в способности производить новую стоимость. В 1970-х гг. такое представление стало подвергаться осторожной критике в советской научной литературе, а в 1980-е гг. были предприняты попытки сформулировать экономические теории “нематериального” и “духовного” производства на основе марксистских категорий [Агабабян 1983; Жамин 1979, с. 122–125; Курегян 1989; Шишков 1991]. Работы указанных авторов, особенно опубликованные в период “перестройки”, отразили кризис прежней политэкономической ортодоксии, основной на индустриалистской парадигме. Их основным итогом стало то, что понятие “духовное производство”, разрабатывавшееся отечественными философами [Анисимов 1988; Духовное производство... 1981; Орлов 1986; Уледов 1980], приобрело экономический смысл и содержание.

Также с начала 1980-х гг. в советской литературе наметилось смещение акцентов в сторону характеристики интеллигенции как субъекта “духовного производства” [Барбакова, Мансуров 1991; Духовное производство... 1981; Сверчкова 1988; Смоляков 1986], а также специфики положения интеллигенции в обществах “запоздавшего” развития капитализма [Лейкина-Свирская 1982, с. 44–45; Пантин, Плимак, Хорос 1986]. В постсоветской экономической литературе, помимо термина “интеллигенция”, стало чаще применяться понятие “работники интеллектуального труда” (РИТ). Оно позволяет дать указанной социально-экономической группе достаточно широкое и в то же время определенное содержательное наполнение. Так, Р. Цвылев в состав РИТ включал инженерно-технических, научных, управленческих работников, а сам их труд рассматривал в контексте теории человеческого капитала [Наемный труд... 1999, с. 17–23, 71–85].

Для доиндустриальных обществ характерно преобладание интеллектуального труда в сфере создания и воспроизводства ценностей, который осуществляло жречество (духовенство) и который был в большей или меньшей степени связан с осуществлением функций по отправлению политической власти и государственному управлению. Деятельность в области создания технологий – лишь отчасти специализированная и опирающаяся на теоретические познания, в большей мере сочеталась с практическим опытом применения уже известных знаний в ходе физического труда. Также возможность занятия мыслительной деятельностью была следствием заранее определенного положения в социальной иерархии, и значительная доля получаемого дохода обуслов-

ливалась именно этим положением, а не оценкой результатов умственного труда как такового. Таким образом, в доиндустриальных обществах мыслительная деятельность лишь в небольшой степени осуществлялась в интеллектуальном производстве, результатом которого был бы нематериальный продукт/услуга.

Активизация взаимодействий между теоретиками и практиками в технологической сфере стимулировала индустриальную революцию и “современный экономический рост”. Существенная характеристика этой эпохи – увеличение производительности на основе применения в материальном и нематериальном производстве новых знаний, полученных и распространенных в результате развития науки и образования [Kuznets 1966, p. 81–82, 183–185, 228–229, 286–293]. В разной степени эта характеристика – определяющая для социально-экономического развития и в индустриальную, и в постиндустриальную эпоху.

С раннеиндустриальной стадией общественного развития отечественная научная литература советского и постсоветского периода связывает формирование массовых профессий интеллигенции (см., например, [Лейкина-Свирская 1981, с. 43–58; Погребинская 2006, с. 43–58]). Согласно имеющимся статистическим свидетельствам (см. табл.), в условиях развития индустриального общества скорость расширения социальной группы РИТ (интеллигенции) была довольно значительной. Несмотря на неполное совпадение содержания (при всей его близости) указываемых ниже статистических категорий, достаточно четко выражена характерная для индустриальной экономики общая тенденция: доля РИТ в общей численности рабочей силы заметно увеличилась и стала сопоставимой по размеру с остальной ее частью. Это происходило за счет роста доли занятых как в отраслях интеллектуального производства (наука, образование, культура), так и в интеллектуалоемких отраслях материального производства (специалисты по производственным и экономическим процессам, а также управленцы, получившие в зарубежной литературе обобщающее название “белые воротнички”). Опережающий рост занятых в отраслях производства и распространения знаний привел к повышению интеллектуалоемкости национальных экономик индустриально развитых стран (см. табл.).

В России в 1897 г., по оценкам Л. Ермана (на основе результатов первой общероссийской переписи населения), “интеллигенция” составляла 777 566 человек (то есть лишь 2,3% самодеятельного населения), из которых 94 000 работали в сфере материального производства, 262 654 – в сфере нематериального производства, 151 345 были заняты управленческой деятельностью на государственной гражданской службе, 52 471 – в военной сфере, 217 098 – управленческой деятельностью в частных структурах [Ерман 1966, с. 13–14]. По расчетам С. Волкова на основе данных той же переписи, численность интеллектуального слоя в максимально широком определении² оценивалась в 870 тыс. человек (2,7% самодеятельного населения), а без учета управленческого персонала, состоявшего на государственной гражданской и военной службе, – около 670 тыс. (2,0% самодеятельного населения) [Волков 1999, с. 9]. По его же расчетам, если в последний год мирного развития предреволюционной России (1913 г.) доля лиц умственного труда составляла 2,4% всего населения, то в 1928 г.³ – 5,2%, а в 1940 г.⁴ – уже 16,5%. Ко времени системного кризиса советской модели индустриального общества (1989), завершившегося распадом СССР, эта доля возросла до 29,3% [Волков 1999, с. 30, 141].

За рубежом в условиях индустриального общества вошла в широкий оборот и приобрела устойчивое употребление характеристика представителей профессий умственного труда как “белых воротничков” (*white-collar workers*) в противоположность обозначению представителей физического труда как “синих воротничков” (*blue-collar*

² Дополнительно включены: образованная часть купечества и промышленных кругов, духовенство, неслужащие дворяне, отставники и пенсионеры, студенты и учащиеся средних учебных заведений.

³ К этому году относится окончание в целом послереволюционного восстановления экономики и начало осуществления плана форсированной индустриализации.

⁴ К тому времени был сделан решающий прорыв в индустриальном развитии страны.

workers). А в зарубежной научной литературе последних десятилетий появились различные определения, конкретизирующие современную специфику деятельности субъектов интеллектуального производства в условиях перехода к постиндустриальному обществу: “работник, производящий знания” – *knowledge-producing worker* [Махлун 1966, с. 438–443], “класс интеллектуалов” – *knowledge class* [Белл 1999, с. 288–301], “работник умственного труда” – *brainworker* [Тоффлер 1986, с. 250–275], “креативный класс” – *creative class* [Флорида 2007].

С одной стороны, указанные концепции эмпирически опирались на изменения в структуре занятости населения. Данные таблицы показывают, что по объему категория “работники профессий преимущественно творческого типа”⁵ И. Бушмарина, А. Соболевской и А. Попова близка к категории “работники, производящие знания”⁶ Ф. Махлуна и представителей его школы. По оценке Бушмарина середины 1990-х гг., творческое начало преобладало в трудовой деятельности 44–47% занятых в экономически развитых странах (США, Германия, Великобритания, Япония) [Бушмарин 1998, с. 20]. На виды деятельности, преимущественно связанные с новаторским поиском и творческим содержанием, с 1970-х гг. приходилась основная часть рабочей силы, поступающей в народное хозяйство главных экономически развитых стран [Иноземцев 1999, с. 475; Соболевская, Попов 2009, с. 69].

С другой стороны, в условиях перехода к постиндустриальному обществу количественное возрастание РИТ в структуре рабочей силы модифицирует их экономическую роль. Речь идет не только и не столько о дальнейшем количественном расширении этой группы, сколько об эволюции характера ее деятельности с повышением творческого начала, в том числе в сфере многих рабочих и сервисных профессий, а также перевода творчества с периферии в центр экономической системы [Флорида 2007, с. 25, 59]. Кроме того, из положения постиндустриальной теории о том, что знания и информация становятся наиболее существенным экономическим ресурсом, вытекает выдвигание на центральную роль социальных субъектов, способных создавать, контролировать и распоряжаться этим фактором современного производства, то есть интеллектуальных слоев, совокупность которых ряд исследователей называют современным “господствующим классом”. В связи с этим интеллектуальные слои перераспределяют в свою пользу большую часть совокупных доходов, что ведет к усилению дифференциации оплаты труда. С 1970-х гг. эта тенденция наблюдается во многих странах с развитой экономикой (прежде всего, англоязычных). Из российских авторов на этом делает акцент В. Иноземцев, который характеризует данную тенденцию как одно из проявлений “революции интеллектуалов” в “постэкономическом” обществе. Особенно это касается возрастания внутриотраслевой дифференциации оплаты труда [Иноземцев 1999].

Тенденция к усилению неравенства доходов в последние десятилетия характерна не для всех стран и даже не для их большинства (самое показательное исключение – Франция). Но она проявилась в тех экономически развитых странах (преимущественно англосаксонских), которые в последние три десятилетия осуществляли исторически инновационные модернизации и тем самым определяли ведущие тенденции мирового социально-экономического и, в значительной степени, культурно-идеологического развития.

Конкретные механизмы усиления неравенства в указанных странах достаточно многообразны. Авторы многих исследований связывают разворот тенденции к сокращению дифференциации доходов с новой волной технического прогресса и возросшим спросом на высококвалифицированный труд (см., например, [Galor; Moav

⁵ В нее включались специалисты со средним специальным, высшим и более высоким образованием, административно-управленческий персонал, рабочие высшей квалификации, работники торговли и отраслей услуг с высшим, средним специальным образованием и высшей производственной подготовкой [Бушмарин 1998, с. 20].

⁶ К ней относились работники, занимающиеся передачей, преобразованием, обработкой, интерпретацией, анализом и созданием разного рода сообщений [Махлун 1966, с. 438–439].

2000, p. 469–497]). В одном из них, проведенном экспертами МВФ, отмечалось, что на усиление неравенства в странах с развитой экономикой в большей степени оказали воздействие процессы глобализации и научно-технического прогресса [Глобализация и неравенство... 2007, с. 156–164].

На мой взгляд, одной из важных причин возрастания дифференциации доходов при переходе к информационному обществу – риски, связанные с развитием инновационных секторов экономики, что предполагает повышенную неустойчивость показателей по сравнению с динамикой массового индустриального производства на основе технологий, ставших традиционными. Постиндустриальной экономике знаний присущи высокие риски на микро- и макроэкономическом уровнях, которые требуют увеличения компенсации как в сфере предпринимательских доходов, так и (в меньшей степени) в оплате труда. При этом цена интеллектуального продукта может содержать значительную рентную составляющую. Субъекту успешной инновации достается значительная по размеру риск-премия, которую в литературе часто называют “интеллектуальной рентой” или “квазирентой” [Нижнегородцев 2002; Яковец 2003]. Но в случае неудачи инновации риск-премия окажется отрицательной.

Таким образом, высокая частная отдача на человеческий капитал РИТ объясняется значительной долей “интеллектуальной ренты” в совокупном доходе “класса интеллектуалов”. В числе других отличительных характеристик современных РИТ в экономически развитых странах, помимо традиционно присущего им сравнительно высокого уровня образования, в литературе часто указывается на их возросшую географическую мобильность и, реже, на существенное усиление “постматериалистических” мотиваций их деятельности [Инглегарт 1999; Иноземцев 1999].

Актуализированное Р. Флоридой понятие “креативность” подчеркивает неотчуждаемое свойство работника как микросубъекта интеллектуального производства: его функция не сводится к интеллектуальному труду и обработке информации, а состоит в *создании* новой экономически ценной информации и знаний, которые могут включать как идейное содержание, так и технологии. Причем информация и знания представляют собой “рабочий материал” креативности, продуктом которой становится “инновация” в форме нового научного изобретения, новой модели или метода деятельности [Флорида 2007, с. 23, 85, 59]. В свою очередь, для представителей “креативного класса” характерны независимость мышления, высокий уровень образования и человеческого капитала. При этом Флорида обращал внимание, что сами эти представители не рассматривают себя как класс, то есть связанную общими интересами и характерными особенностями группу [Флорида 2007, с. 14, 23, 86, 355].

Флорида дал заслуживающие внимания количественные оценки размеров “креативного класса”. Из данных таблицы видно, что до 1970-х гг. в США он представлял основную часть “производителей знаний”, однако впоследствии – уже менее 50%. Он связывал это с быстрым увеличением в 1970-е гг. вспомогательного персонала (“обслуживающего класса”), деятельность которого заключается в оказании низкотехнологичных услуг), в 1980–1990-е гг. стабилизировавшегося в районе 45% рабочей силы и численно превосходящего “креативный класс” [Флорида 2007, с. 24, 88–89, 91, 359].

В России, согласно последним доступным данным, рассчитанным по методике Флориды на основе данных Международной организации труда, высококвалифицированным умственным (“творческим”) трудом, связанным с решением проблемных ситуаций и характерным для “креативного класса”, в 2002–2007 гг. было занято 38,63% рабочей силы, при этом страна занимала 20-е место в мире по соответствующему показателю, опережая США (35,22% рабочей силы и 27-е место) [Creativity and Prosperity... 2011, p. 36].

Опираясь на существующие оценки, я руководствуюсь самыми широкими понятиями “работники интеллектуального труда” и “интеллектуальные слои”. Данные понятия представляются уместными ввиду разнотипности их составляющих, разной роли, которую они играли на отдельных этапах социально-экономического развития, весьма значительного разброса как в горизонтальной, так и в вертикальной стратеги-

Изменения в структуре занятости в сторону повышения интеллектуалоемкости
(доля группы в рабочей силе, в %)

Страна	Социальная группа	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2005	Источник
Российская империя	Интеллигенция	2,3 ^а												[Ерман 1966, с. 14]
Российская империя	Интеллектуальный слой	2,7 ^а												[Волков 1999, с. 9, 30]
Российская империя	Интеллектуальный слой (без учета управленческого персонала на государственной службе)	2,0 ^а												
СССР ^б	Лица умственного труда	2,4 ^в	24,6	18,3	5,2 ^г	16,5	28,3	18,1	22,1	25,1	29,3 ^д		38,63 ^и	[Creativity and Prosperity... 2011, р. 36] по методике Флориды
Российская Федерация	Креативный класс	10,7	14,6	18,3	21,6	23,4	28,3	31,6 ^е	31,19	41,23				[Маклун 1966, с. 440–441]
США	Профессии производства знаний													[Rubin, Huber, Taylor 1986, р. 196] по методике Ф. Махлуна
США	Профессии производства знаний													[Флорида 2007, с. 91, 359]
США	Креативный класс	10	11,1	11,7	13,9	14,2	16,6	17,9	19,8	18,7	25,4 ^ж	30,1 ^з	35,22 ^и	[Creativity and Prosperity... 2011, р. 36] по методике Флориды
США	Креативный класс													[Соболевская, Попов 2009, с. 68]
США	Работники профес- сий преимуще- ственно творческого типа							37			45		49	
США	Работники профес- сий преимуще- ственно творческого типа							32 ^и			41 ^д		45	
США	Работники профес- сий преимуще- ственно творческого типа							39 ^и			50 ^к		56	
Япония								33			46		52	

Примечания: ^а 1897 г.; ^б Доля в населении страны; ^в 1913 г. в Российской империи; ^г 1928 г.; ^д 1989 г.; ^е 1959 г.; ^ж 1991 г.; ^з 1999 г.; ^и 1961 г.; ^к 1981 г.; ^л 2002–2007 гг.

фикации интеллектуальных групп, различий в их субкультуре. Основная функция этих слоев общества состоит в производстве интеллектуальных продуктов (социально ценного знания), в отличие от групп, общественная функция которых состоит в материализации этих ценностей и знаний. О таких группах уместно говорить с момента разделения двух основных видов труда (умственного, связанного с преимущественно мыслительной деятельностью, и физического, связанного с затратами мышечной энергии работника), а также появления письменно-знаковой культуры как способа объективации знания [Диденко 1998, с. 227–228]. Это произошло задолго до начала “современного экономического роста” (в терминологии С. Кузнеця), ассоциируемого с индустриальным развитием. В то же время исторические формы объективации результатов интеллектуальной деятельности в письменно-знаковых формах могли различаться (ручное переписывание, печатное тиражирование, компьютерные технологии работы с текстами). Также изменчив и подвижен образовательный уровень в разных культурах и на разных этапах их развития, признаваемый достаточным для осуществления квалифицированной мыслительной деятельности и производства общественно значимой информации.

Важнейшая характеристика деятельности РИТ – ориентация на производство нового знания (в том числе в сфере его интерпретации и адаптации к конкретным условиям) в противоположность механическому тиражированию доступной информации, отсутствие жесткой технологизации мыслительной деятельности. При этом развивались исторические формы объективации знания и способы их воспроизводства (ручное переписывание, печатное копирование, тиражирование цифрового кода). Также на различных этапах человеческого развития изменчивым и подвижным оказывался образовательный уровень, оцениваемый как высокий.

Таким образом, принципиальными критериями принадлежности к РИТ, формирующим интеллектуальные слои общества, представляются:

– приоритет умственной трудовой деятельности перед физической (за основу берется отношение к деятельности);

– ориентация на производство новых интеллектуальных продуктов (в том числе в области их интерпретации и адаптации к конкретным условиям) в противоположность механическому тиражированию ранее произведенных, отсутствие жесткой технологизации мыслительной деятельности (за основу берется характер деятельности);

– объективация результатов мыслительной деятельности в письменно-знаковой форме;

– общественное признание индивидуальной деятельности по хранению, отбору, переработке и распространению накопленных, а также созданию новых интеллектуальных продуктов (за основу берется общественная функция) [Диденко 1998, с. 228].

При данном подходе РИТ, формирующие интеллектуальные слои общества и обладающие сравнительно высоким уровнем накопленного человеческого капитала, рассматриваются в качестве субъектов интеллектуального производства, деятельность которых ведет к актуализации накопленного интеллектуального потенциала и его преобразованию в интеллектуальный капитал общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агабабян Э.М. (1983) Экономические основы воспроизводства нематериальных благ при социализме. М.: Наука.

Анисимов С.Ф. (1988) Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль.

Барбакова К.Г., Мансуров В.А. (1991) Интеллигенция и власть. М.: Институт социологии Академии наук СССР.

Белл Д. (1999) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia.

Бушмарин И.В. (1998) Трудовые ресурсы в экономике России и Запада. М.: ЭПИцентр-Харьков: Фолио.

Волков С.В. (1999) Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: ИНИОН РАН.

- Глобализация и неравенство (2007) Перспективы развития мировой экономики. Октябрь 2007. Washington (D.C.): Международный Валютный Фонд, 2007 (<http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2007/02/pdf/weoftr.pdf>).
- Гойло В.С. (1994) Политическая экономия интеллектуального труда // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 137–146.
- Диденко Д.В. (1998) Опыт исторической типологии российских интеллектуальных слоев // *Социально-политический журнал (Социально-гуманитарные знания)*. № 4. С. 227–228.
- Духовное производство (Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности) (1981) / Под ред. В.И. Толстых. М.: Наука.
- Ерман Л.К. (1966) Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука.
- Жамин В.А. (1979) Социально-экономические проблемы образования и науки в развитом социалистическом обществе. М.: Экономика.
- Инглеарт Р. (1999) Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. М.: Academia. С. 249–260.
- Иноземцев В.Л. (1999) Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia–Наука.
- Курегян С.В. (1989) Духовное производство при социализме (политико-экономический аспект). Дисс... д.э.н. М.
- Лейкина-Свирская В.Р. (1981) Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль.
- Лейкина-Свирская В.Р. (1982) Формирование и историческая роль интеллигенции как исследовательская проблема (Историографический обзор) // *Социальная структура общества в XIX в. (Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму)*. М.: Наука. С. 44–54.
- Махлуп Ф. (1966) Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс.
- Наемный труд на переломных этапах развития экономики (1999) М.: Эдиториал УРСС.
- Нижегородцев Р.М. (2002) Информационная экономика. Кн. 2. Управление беспорядком. Экономические основы производства и обращения информации. Москва–Кострома.
- Орлов В.Н. (1986) Духовное производство и его развитие в условиях социализма. М.: Высшая школа.
- Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. (1986) Революционная традиция в России, 1783–1883 гг. М.: Мысль.
- Погребинская В.А. (2006) Институциональные особенности начала индустриализации России. М.: Теис.
- Сверчкова Л.П. (1988) Субъект духовного производства: методологический анализ. Л.: ЛГУ.
- Смоляков Л.Я. (1986) Социалистическая интеллигенция. Киев: Политиздат Украины.
- Соболевская А.А., Попов А.К. (2009) Постиндустриальная революция в сфере труда. М.: ИМЭМО РАН.
- Тоффлер Э. (1986) Будущее труда // *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс. С. 250–275.
- Уледов А.К. (1980) Духовная жизнь общества: проблемы методологии исследования. М.: Мысль.
- Флорида Р. (2007) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Изд. дом “Классика-XXI”.
- Шишков Г.Б. (1991) Духовное производство и интеллектуальная собственность: теория, методология, практика. М.: МИНХ.
- Яковец Ю.В. (2003) Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизационном измерении. М.: ИКЦ “Академкнига”.
- Creativity and Prosperity: Global Creativity Index Report (2011) Toronto: Martin Prosperity Institute (<http://martinprosperity.org/media/GCI%20Report%20Sep%202011.pdf>).
- Galor O., Moav O. (2000) Ability-Biased Technological Transition, Wage Inequality and Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. № 2. P. 469–497.
- Kuznets S. (1966) *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven–London: Yale Univ. Press.
- Rubin M.R., Huber M.T., Taylor E.L. (1986) *The Knowledge Industry in the United States 1960–1980*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Creativity in Economic History Retrospective: Intellectual Laborers in Industrial and Postindustrial Society

D. DIDENKO*

***Didenko Dmitry** – candidate of sciences (History), senior research assistant, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo st., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: ddidenko@bloomberg.net.

Abstract

The article outlines a theoretical context in which academic literature of the latest decades analyzed socio-economic aspects of intellectual production and its subjects. The author systematizes the appropriate definitions and concepts that characterize intellectual laborers. The author revisits their basic features as the subjects of intellectual production in the framework of historical changes of socio-economic functions of intellectual labor in the process of industrial society development and its transition to post-industrial (information) society.

Keywords: intellectual laborers, intellectual production, intellectually intensive economy, human capital, post-industrial society.

REFERENCES

- Agabab'ian E.M. (1983) *Ekonomicheskie osnovy vosproizvodstva nematerial'nykh blag pri sotsializme* [Economic foundations of reproduction of non-material goods]. Moscow: Nauka.
- Anisimov S.F. (1988) *Dukhovnye tsennosti: proizvodstvo i potreblenie* [Spiritual values: production and consumption]. Moscow: Mysl'.
- Barbakova K.G., Mansurov V.A. (1991) *Intelligentsiia i vlast'* [Intelligentsia and the power]. Moscow: Institut sotsiologii Akademii nauk SSSR.
- Bell D. (1999 [1976]) *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia* [The coming of post-industrial society. A venture in social forecasting]. Moscow: Academia.
- Bushmarin I.V. (1998) *Trudovye resursy v ekonomike Rossii i Zapada* [Labor resources in economies of Russia and the West]. Moscow: EPItsent-Kharkov: Folio.
- Creativity and Prosperity: Global Creativity Index Report. (2011) September 2011. Toronto: Martin Prosperity Institute (<http://martinprosperity.org/media/GCI%20Report%20Sep%202011.pdf>).
- Didenko D.V. (1998) Opyt istoricheskoi tipologii rossiiskikh intellektual'nykh sloev [An inquiry into historical types of the Russian intellectual strata]. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal (Sotsial'no-gumanitarnye znaniia)*, no. 4, pp. 227–228.
- Dukhovnoe proizvodstvo (Sotsial'no-filosofskii aspekt problemy dukhovnoi deiatel'nosti)* (1981) [Mental production (Socio-philosophic aspect of mental activities)]. Moscow: Nauka.
- Erman L.K. (1966) *Intelligentsiia v pervoi russkoi revoliutsii* [Intelligentsia in the first Russian revolution]. Moscow: Nauka.
- Florida R. (2007) *Kreativnyi klass: liudi, kotorye meniaiut budushchee* [The rise of the creative class: And how it's transforming work, leisure, community and everyday life]. Moscow: Izd. dom "Klassika-XXI".
- Galor O., Moav O. (2000) Ability-Biased Technological Transition, Wage Inequality and Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no. 2, pp. 469–497.
- Globalizatsiia i neravenstvo. Perspektivy razvitiia mirovoi ekonomiki* (2007) [Globalization and Inequality. World Economic Outlook]. Washington (D.C.): International Monetary Fund (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2007/02/pdf/text.pdf>).
- Goilo V.S. (1994) Politicheskaiia ekonomiiia intellektual'nogo truda [Political economy of intellectual labor]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 11, pp. 137–146.

Iakovets Iu.V. (2003) *Renta, antirenta, kvazirenta v global'no-tsvivilizatsionnom izmerenii*. [Rent, anti-rent, quasi-rent in global civilization dimension] Moscow: IKTs "Akademkniga".

Inglehart R. (1999) Kul'turnyi sdvig v zreloom industrial'nom obshchestve [Culture shift in advanced industrial society]. *Novaia postindustrial'naia volna na Zapade. Antologiya* [The new post-industrial wave in the West. Antology]. Moscow: Academia, pp. 249–260.

Inozemtsev V.L. (1999) *Raskolotaia tsvivilizatsiia: Nalichestvuiushchie predposylki i vozmozhnye posledstviia postekonomicheskoi revoliutsii* [One World Divided. Existing Causes and Possible Results of the Coming Post-Economic Revolution]. Moscow: Academia–Nauka.

Kuregian S.V. (1989) *Dukhovnoe proizvodstvo pri sotsializme (politiko-ekonomicheskii aspekt)*. Diss... d.e.n. [Mental production under socialism (political economy perspective). Dr. Hab. Thesis]. Moscow.

Kuznets S. (1966) *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven–London: Yale Univ. Press.

Leikina-Svirskaiia V.R. (1982) Formirovanie i istoricheskaia rol' intelligentsii kak issledovatel'skaia problema (Istoriograficheskii obzor) [Emergence and historical role of intelligentsia as research issue (historiographic review)]. *Sotsial'naia struktura obshchestva v XIX v. (Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa v epokhu perekhoda ot feodalizma k kapitalizmu)* [Social structure of the society in 19th century (Central and South-Eastern Europe in transitional epoch from feudalism to capitalism)] Moscow: Nauka, pp. 44–54.

Leikina-Svirskaiia V.R. (1981) *Russkaia intelligentsiia v 1900–1917 gg.* [Russian intelligentsia in 1900–1917]. Moscow: Mysl'.

Makhlup F. (1966) *Proizvodstvo i rasprostranenie znaniia v SShA* [The Production and Distribution of Knowledge in the United States]. Moscow: Progress.

Naemnyi trud na perelomnykh etapakh razvitiia ekonomiki (1999) [Wage-work at the critical points of economic development]. Moscow: Editorial URSS.

Nizhegorodtsev R.M. (2002) *Informatsionnaia ekonomika. Kn. 2. Upravlenie besporiadkom: Ekonomicheskie osnovy proizvodstva i obrashcheniia informatsii* [Information economy, vol. 2. Management of chaos: Economic foundations of production and circulation of information]. Moskva–Kostroma.

Orlov V.N. (1986) *Dukhovnoe proizvodstvo i ego razvitie v usloviakh sotsializma* [Mental production and its development in socialist conditions]. Moscow: Vysshaya shkola.

Pantin I.K., Plimak E.G., Khoros V.G. (1986) *Revoliutsionnaia traditsiia v Rossii, 1783–1883 gg.* [Revolutionary tradition in Russia, 1783–1883]. Moscow: Mysl'.

Pogrebinskaia V.A. (2006) *Institutsional'nye osobennosti nachala industrializatsii Rossii* [Institutional features of the early industrialization of Russia]. Moscow: Teis.

Rubin M.R., Huber M.T., Taylor E.L. (1986) *The Knowledge Industry in the United States 1960–1980*. Princeton: Univ. Press.

Shishkov G.B. (1991) *Dukhovnoe proizvodstvo i intellektual'naia sobstvennost': teoriia, metodologiya, praktika* [Immaterial production and intellectual property: theory, methodology, practice]. Moscow: MINKh.

Smolyakov L.Ya. (1986) *Sotsialisticheskaia intelligentsiia* [The socialist intelligentsia]. Kiev: Politizdat Ukrainy.

Sobolevskaia A.A., Popov A.K. (2009) *Postindustrial'naia revoliutsiia v sfere truda* [Post-industrial revolution in the sphere of labor]. M.: IMEMO RAN.

Sverchkova L.P. (1988) *Sub'ekt dukhovnogo proizvodstva: metodologicheskii analiz* [Subject of mental production: methodological analysis]. Leningrad: Izd-vo LGU.

Toffler A. (1986) Budushchee truda [The future of labor] // *Novaia tekhnokraticheskaia volna na Zapade* [The new post-industrial wave in the West. Antology]. Moscow: Progress, pp. 250–275.

Uledov A.K. (1980) *Dukhovnaia zhizn' obshchestva: Problemy metodologii issledovaniia* [Mental life of the society: Issues of the research methodology]. Moscow: Mysl'.

Volkov S.V. (1999) *Intellektual'nyi sloi v sovetskom obshchestve* [Intellectual strata in the Soviet society]. Moscow: INION RAN.

Zhamin V.A. (1979) *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy obrazovaniia i nauki v razvitoem sotsialisticheskom obshchestve* [Socio-economic issues of education and science in the advanced socialist society]. Moscow: Ekonomika.